

МОРЕ ИЛИ ОЗЕРО БАЙКАЛЬ.

(Н. С. Щукина.)

1348

Статья I.

МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ И РАЗМѢРЫ БАЙКАЛА; ВЛИВАЮЩІЯСЯ И ИЗЛИВАЮЩІЯСЯ ИЗЪ НЕГО ВОДЫ; ОСТРОВА; ПОДВОДНЫЕ КАМНИ; МЫСЫ; ГАВАНИ; ХАРАКТЕРИСТИКА ОКРЕСТНЫХЪ ГОРЪ; КАЧЕСТВО ВОДЪ; ИСТОКЪ АНГАРЫ; СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕННОСТИ ПО БЕРЕГАМЪ.

Послѣ Каспійскаго-Моря и Аракса, Байкалъ безъ-сомнѣнія занимаетъ третье мѣсто по величинѣ между большими озерами Россійской Имперіи. Эта огромнѣйшая масса прѣсной воды лежитъ посреди высокихъ горъ, какъ въ чашѣ, поставленной на крутомъ склонѣ горъ. Съ ужасною быстротою льются въ него рѣки и рѣчки, и съ такою же силою вырывается изъ него огромная рѣка Ангара. Чтобы дать понятіе о быстротѣ этой рѣки,

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

довольно сказатъ, что, по выходѣ изъ Байкала она на 10-верстномъ разстояніи не замерзаетъ ни въ какіе морозы.

Озеро это пересѣкаетъ большую государственную дорогу изъ Москвы въ Кяхту и Нерчинскіе горные заводы. На картахъ, Байкалъ занимаетъ пространство между 122° и 127° долготы (отъ Ферро) и 51° и 56° широты. Кто и когда опредѣлялъ астрономически положеніе Байкала, не беремся розыскивать; географическая-же съемка береговъ его кончена, въ концѣ прошедшаго столѣтія, Иркутскими землемѣрами. Отъ Иркутска это озеро лежитъ въ 60 верстахъ къ югу, а отъ Кяхты или Китайской границы — въ 364 верстахъ къ сѣверу. Фигуру имѣетъ серпообразную: сначала идетъ отъ сѣвера на югъ, потомъ заворачиваетъ къ западу, и оканчивается большимъ заливомъ на сѣверо-западѣ. Длина озера по берегу, верстъ 1,000; ширина-же не вездѣ одинакова. Самую большую ширину полагаютъ за островомъ Ольхономъ къ сѣверу, гдѣ «малое море»: тутъ считается не менѣе 100 верстъ ширины. Самое узкое мѣсто есть пространство между рѣкою Селенгою и рѣчкою Бугульдеихою: тутъ полагаютъ не болѣе 30 верстъ. Въ прочихъ мѣстахъ ширина озера отъ 50 до 80 верстъ. Такимъ-образомъ Байкалъ состоитъ какъ-бы изъ двухъ озеръ, соединенныхъ широкимъ проливомъ.

Мѣстные жители называютъ Байкалъ просто «моремъ». — Куда ѿдѣшъ? За море. — Откуда

пріѣхалъ? Изъ-за моря.—Это значитъ: «ѣду за Байкалъ» — «пріѣхалъ изъ-за Байкала». Такое имя дано ему изъ уваженія по величинѣ и трудности плаванія. Въ географіяхъ Байкалъ названъ Святымъ-Моремъ; но прилагательное «святой» вародъ присоединяетъ ко всякому морю, а не исключительно къ одному Байкалу. Въ Иркутскѣ есть улица Заморская, названная такъ потому, что она ведетъ на дорогу къ Байкалу; сказать правильнѣе — «дорога къ Байкалу», застроенная обывательскими домами, названа Заморскою-Улицею. Изъ этого выходитъ, между прочимъ, что въ Иркутскѣ слово «заморскій» значитъ другое, нежели въ Петербургѣ.

Огромная масса Байкальскихъ водъ поддерживается притокомъ трехъ судоходныхъ рѣкъ и около 300 рѣчекъ разной величины. Верхняя-Ангара, Баргузинъ и Селенга, большія, полноводныя и быстрыя, принадлежатъ къ первокласснымъ рѣкамъ; за ними слѣдуютъ: Турка, Сибирская, Утуликъ, Дзонъ-Муранъ и другія. Изъ 300 рѣчекъ, 217 имѣютъ протяженіе отъ 10 до 50 верстъ. Сверхъ-того, текутъ въ Байкалъ истоками нѣсколько порядочныхъ озеръ. Вся система водъ Байкальскихъ принадлежитъ къ водамъ горнымъ: послѣ дождей рѣчки становятся рѣками; а настало вѣдро, и черезъ рѣчку ѿдутъ въ бродъ на лошадяхъ.

Рѣка Верхняя-Ангара впадаетъ въ Байкалъ съ сѣверной его оконечности. Пустынныя берега этой рѣки посѣщаются только бродящими Тунгусами, да въ августѣ мѣсяцѣ Рус-

скими рыбопромышленниками. По Баргузину кочуютъ Буряты-пастухи. Но Селенга отзы-вается чисто Сибирью. По берегамъ ея, живо-писанымъ и разнообразнымъ, то видны Русскія селенія, то войлочные юрты Бурятъ; поля пестрѣютъ табунами скота. Благословенная рѣка эта начинается въ Монголіи: какими сліяніями—до-сихъ-поръ не знаемъ. Одни гово-рятъ, что она выходитъ изъ озера Косогола; другіе—что составляется изъ мелкихъ рѣкъ и ручьевъ. Невѣдѣніе наше, кажется, происходитъ отъ того, что никто не любопытствовалъ распросить Монголовъ о таинственномъ для насъ происхожденіи Селенги. Я назвалъ эту рѣку «благословенною», во-первыхъ — потому-что берега ея удобны для обитанія и населены по-возможности, а во-вторыхъ, — потому-что она довольствуетъ отличными осетрами и другою рыбой мѣстныхъ жителей и городъ Иркутскъ. Селенга течетъ преимущественно по песча-ному грунту между островами; въ большую воду она необыкновенно мутна и всю эту грязь сваливаетъ въ Байкалъ. Въ устьѣ Се-ленги каждый годъ образуются новые ост-рова, берегъ подается въ море и нѣтъ сомнѣ-нія, что годовъ черезъ тысячу образуется на-сыпь, которая соединитъ оба берега и раздѣ-литъ Байкалъ на два озера: мы уже сказали, что противъ устья Селенги ширина моря толь-ко 30 верстъ.

Изъ озеръ, стекающихъ въ Байкалъ, при-мѣчательно Фролихино. Оно лежитъ въ пустын-

номъ пространствѣ между Баргузиномъ и Верхнею-Ангарою, на высокой горѣ, и падаетъ съ нее каскадомъ сажень въ 50. Если это правда, то Фролихинской водопадъ знаменитѣе всѣхъ теперь извѣстныхъ. Впрочемъ, водопады не рѣдкость въ Байкальскихъ горахъ, только никто имъ не удивляется, никто не возвѣщаетъ объ нихъ свѣту. Въ Фролихинѣ есть альпійскія форели: примѣръ единственный въ цѣлой Россіи.

Изъ Байкала выходитъ только, одна рѣка Ангара, вливающаяся потомъ, подъ именемъ Верхней-Тунгуски, въ Енисей. Рѣка эта издавна уже извѣстна была Западнымъ Азіатскимъ писателямъ. Рашидъ-эд-Динъ, жившій въ первыхъ годахъ XIV столѣтія, при Монголо-Персидскомъ Ханѣ Газанѣ, говоритъ въ своемъ сочиненіи *Джами-ут-Теварихъ*: «Жилища Киргизовъ граничатъ рѣкою великою, которую называютъ *Анкара-Муренъ*. За нею лежитъ земля Ибирь—Сибирь». Въ Китайскихъ исторіяхъ тогоже времени она называется *Ан-ко-ла*.

Ангара принадлежитъ къ величайшимъ рѣкамъ нашей планеты. Въ источникѣ своемъ она шириною двѣ версты, и такъ быстра, что камень, брошенный въ нее, падаетъ на дно подъ діагональю сильно растянутою. Вода въ ней прозрачна какъ хрусталь и холодна. Переплывая черезъ Ангару въ лодкѣ, видно въ водѣ рыбу: примѣръ едва-ли не единственный. Чѣмъ-далѣ отъ Байкала, тѣмъ-болѣе въ рѣкѣ рыбы: стерляди водятся уже за порогами, верстахъ въ 500 отъ Иркутска.

Многіе дѣлаютъ вопросъ, смотря на огромную массу водъ Байкальскихъ: куда дѣвается изъ него вода? Ангарою спускается не болѣе $\frac{1}{200}$ части всего притока; а между тѣмъ вода въ озерѣ только среди лѣта возвышается на аршинъ, много на два. Мечтатели допускаютъ подземное сообщеніе озера съ Океаномъ, въ чемъ подкрѣпляютъ ихъ тюлени, обитающіе въ Байкалѣ: откуда же имъ зайти, какъ не изъ Океана? Но тюлени водятся и въ Каспійскомъ-Морѣ; следовательно въ Байкаль они могли произойти отъ тѣхъже причинъ, по которымъ явились въ Океанѣ и прочихъ огромныхъ водахъ. Кто не знаетъ теперь, что вода безпрестанно испаряется лѣтомъ и зи-мою? Жаръ и морозъ обращаютъ ее въ пары одинаково: вотъ и дополненіе къ истоку воды изъ Байкала Ангарою!

Изъ острововъ на Байкалѣ только одинъ Ольхонъ заслуживаетъ вниманіе. Острова Ушканы, Бакланный, Лиственичный, Пустой и Столбовой, очень малы и лежать подлѣ береговъ. Островъ Ольхонъ лежитъ недалеко отъ здѣшняго берега, влѣво отъ пути, по которому плаваютъ черезъ Байкалъ. Море передъ островомъ глубоко вдалось въ матерую землю, и въ этой впадинѣ помѣщается Ольхонъ. Длина его 60, а ширина не болѣе 12 верстъ. Отъ матерой земли отдѣляется островъ проливомъ, неровной ширины: въ воротахъ, на днѣ юго-западной оконечности, не болѣе двухъ верстъ; далѣе начинаются заливы, вдающіеся то въ

островъ, то въ матерую землю. При взглядѣ на этотъ проливъ сверху какой-нибудь горы, видно, что вода ворвалась сюда съ моря и наполнила ложбины материка.

Весь Ольхонъ состоитъ изъ высокихъ горъ, не вездѣ одинакожъ покрытыхъ лѣсомъ. Издали кажется онъ необитаемою пустынею; по нѣкоторымъ ложбинамъ кочуютъ одинакоже Буряты-пастухи и звѣроловы. Земледѣліе здѣсь рѣшительно невозможно по каменистой почвѣ. Рѣчекъ на островѣ нѣтъ ни одной; кочующіе и стада ихъ довольствуются водою изъ Байкала или колодцевъ. Зимою ловятъ здѣсь подледную рыбу и отправляютъ на продажу въ Иркутскъ.

На Ольхонѣ примѣчательны мысы Отстойный и Толстой. Это горы, выдающіяся въ море; за ними въ губахъ укрываются суда отъ бурь и противныхъ вѣтровъ. Подлѣ верхней изголови * возвышается изъ воды огромный камень; Буряты покланяются ему и присягаютъ на немъ въ важныхъ случаяхъ. Есть преданіе, что на Ольхонѣ, на какой-то высокой горѣ, стоитъ таганъ Чингисхана. Это послѣднее преданіе о великому завоевателѣ; далѣе къ сѣверу кочующіе Буряты не знаютъ имени знаменитаго Хана, потому, кажется, что туда не заходило его владычество.

Прочіе острова на Байкалѣ рѣшительно пусты. Ушканы или Заячыи-Острова лежатъ

* Слова: «верхняя и нижняя изголовы» значать, у Сибиряковъ, начало и конецъ острова.

противъ Святаго-Носа ; Багучанскій — близъ устья Верхней-Ангары; Бакланий — въ Чивиркуйскомъ-Заливѣ; Лиственичный — не далеко отъ устья рѣки Туркі и Туркинскихъ горячихъ водъ; Пустой-Островъ — на пространствѣ между устьями рѣкъ Туркі и Селенги; Столбовой — между Селенгою и Посольскимъ-Монастыремъ. Острова Тюленій и Бакланий суть голые камни, высунувшіеся изъ моря.

Подводныхъ камней на Байкалѣ весьма не много. Изъ нихъ извѣстнѣйшіе : Тѣльные и Туркинскіе. Они лежатъ подъ восточнымъ берегомъ, первые вправо, а послѣдніе влево отъ пути, по которому плаваютъ суда. Они такъ отдалены отъ мѣстъ посѣщаемыхъ, что развѣ при сильномъ вѣтрѣ и величайшей оплошности можетъ нанести на нихъ судно.

Мысовъ на Байкалѣ множество, и всѣ они имѣютъ названія. Это горы, выдающіяся въ море. На здѣшней сторонѣ примѣчательны мысы: Лиственичный, Кадильный, Голоустный и другіе. На восточномъ берегу, между губами Чивиркайской и Баргузинской, лежитъ большой полуостровъ Святой-Носъ, длиною 40, а шириною около 15 верстъ. Всѣ Байкальскіе мысы служатъ природными маяками: по нимъ направляется плаваніе судовъ и лодокъ. Само-собою разумѣется, что между мысами лежатъ и заливы, или по тамошнему «отстой», потому-что въ нихъ укрываются плаватели отъ противныхъ вѣтровъ. Изъ этихъ заливовъ примѣчательны: Большая-Губа, Соболиний-Отстой и другіе.

Собственно гаваней на Байкалѣ только одна: это Прорва. Она лежитъ на той сторонѣ озера, близъ Посольского-Монастыря. Прорва есть заливъ, отдѣляющійся отъ Байкала узкою грядою, чрезъ которую, при большомъ волненіи, плещутъ волны моря. Прорва въ длину простирается верстъ на десять, а шириной около двухъ верстъ; съ Байкаломъ соединяется она узкимъ проливомъ, ежегодно перемѣняющимъ фарватеръ, а потому въ началѣ лѣта его промѣриваются и ставятъ вѣхи. Глубина гавани достаточна для стоянія судовъ; грунтъ самый удобный; волненія никогда не бываетъ. Подлѣ входа въ гавань стоитъ маякъ; его освѣщаются при вѣтрахъ съверномъ и юго-западномъ, для судовъ идущихъ съ здѣшней стороны. Надъ маякомъ устроено нѣсколько комнатъ, гдѣ путешественники ожидаютъ по-путного вѣтра. Почтовая станція и Посольской-Монастырь лежатъ въ 9 верстахъ отсюда; за лошадями обыкновенно посылаютъ кого-нибудь. Другая гавань есть устье рѣки Селенги; въ нее входятъ обыкновенно купеческія суда. На здѣшней сторонѣ нѣтъ ни одной порядочной гавани. Суда и казенные транспорты останавливаются на якорѣ противъ станціи Лиственичной, въ широкой и открытой губѣ.

Морской берегъ въ Сибири называется «каргою»; на Байкалѣ-же нѣкоторые берега имѣютъ особенныя названія: на-примѣръ Бабья-Карга, выше Посольского-Монастыря.

Байкалъ окруженъ горами. Высочайшия изъ нихъ лежатъ близъ юго-восточной оконечности озера или, по тамошнему, «култука». Здѣсь, въ 50 верстахъ отъ берега, возвышается знаменитая гора Хамаръ-Дабанъ. Отъ горизонта воды до вершины ея полагаютъ 1,000 сажень; однажды снѣгъ стаиваетъ лѣтомъ. Да и вообще горъ собственно снѣговыхъ здѣсь нѣтъ; только на гольцахъ при устьѣ рѣчки Сиѣжной никогда не растаиваетъ снѣгъ, потому-что крутыя вершины этой горы обращены къ сѣверу. Горамъ, окружающимъ Байкалъ, кажется нѣтъ предѣловъ: обращая взглядъ во всѣ стороны съ какой-нибудь горы, вездѣ видите вершины гольцевъ, упирающіяся въ облака. Картины ужасныя, потрясающія, представляются на каждомъ шагу. Сотни ключей, падая съ вершинъ утесовъ, дробятся о камни и въ видѣ брызговъ и пѣны достигаютъ бездны, на днѣ которой клокочетъ быстрая рѣчка. Горы перѣзываются глубокими стремнинами съ отвесными каменными стѣнами; изъ дна такой пади небо видно узкою полосою, и солнце освещаетъ ущелье всего нѣсколько часовъ въ сутки. Вездѣ великолѣпныя картины, на каждомъ шагу обильная пища для ботаника и минералога. Окрестности Хамаръ-Дабана можно было назвать Сибирскою Швейцаріею, если-бы такихъ Швейцарій не было очень много въ Сибири.

Съ первого взгляда видно, что нѣкоторыя изъ горъ Байкальскихъ были огнедышу-

щими. Хамаръ-Дабанъ, на-примѣръ, есть по-
тухшій волканъ: онъ возвышается тремя вер-
шинами, между которыми на днѣ озеро. Та-
ковъ былъ и Везувій: 500 лѣтъ онъ стоялъ
спокойно; на днѣ кратера образовалось озеро,
а по скатамъ выросъ большой лѣсъ; но вдругъ,
неожиданно начались изверженія, и продолжи-
ются вотъ уже 200 лѣтъ. Кто знаетъ не вспых-
нетъ-ли когда нибудь и Хамаръ-Дабанъ?

На вершинахъ Байкальскихъ горъ попада-
ются гранитъ, лава и горный хрусталь; ниже—
известковый шпатъ съ налетомъ молибденою,
талькъ, байкалитъ, пренитъ, въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ темная слюда таблицами. На днѣ рѣ-
чекъ попадается лазурикъ. Тщетно искали
минералоги мѣсторожденіе этого дорогаго кам-
ня; иностранецъ Моръ прожилъ съ этою цѣ-
лую два лѣта на рѣчкѣ Слюдянкѣ, истративъ
много денегъ и наконецъ обманулъ Екатерин-
бургское Горное Начальство мнимымъ открыти-
емъ мѣсторожденія лазурика. Присланы были въ
Иркутскъ мастера, инструменты для дѣланія
вазъ, столешницъ и проч., но должны были
возвратиться ни съ чѣмъ: на мѣстахъ указан-
ныхъ Моромъ, оказался пренитъ или синій из-
вестковый шпатъ. Въ прошломъ году однако-
же золотоискатели нашли случайно мѣсторож-
деніе лазурика въ вершинахъ рѣчки Слюдянки,
вытекающей изъ-подъ горы Хамаръ - Дабана,
и вѣроятно копи эти поступать въ казну.
Лазурикъ попадается и по другимъ рѣчкамъ,
впадающимъ въ Байкалъ.

Изъ металловъ, кромъ незначительныхъ крупинокъ золота и жѣлѣза, никакихъ не найдено. Бѣлый мраморъ, не уступающій Каарскому, попадается большими валунами тоже по рѣчкѣ Слюдянкѣ. Впрочемъ, Байкальскія горы вообще худо изслѣдованы въ минералогическомъ отношеніи. Хотя Академикъ Лаксманъ долго жилъ въ Иркутскѣ, но кругъ его дѣйствій былъ слишкомъ обширенъ. Текущіе минералоги посѣщають Байкальскія горы вмѣсто прогулки, изъ одного любопытства. Въ Иркутскѣ бывали страстные ботаники, собравшіе богатую жатву, но минералога, преданнаго своей наукѣ, ниодного. Вѣроятно не пришла на то пора, и сокровища покоятся въ нѣдрахъ земли для временъ грядущихъ.

Почти всѣ Байкальскія горы покрыты лѣсомъ: кедръ, сосна и листвень растутъ до известной высоты; далѣе на бѣломъ исландскомъ мохѣ произрастаетъ черногрифъ (*Rhododendron chrysanthum*), а на вершинахъ гольцевъ стелется андromеда съ розовыми цветами. Здѣсь же прозябаютъ генціаны алтайская и бѣлая, крупные альпійскіе колокольчики, баданъ (*Saxifraga crassifolia*); послѣднее растеніе водится и въ Петербургскихъ садахъ: удивительно, какъ могло оно переселиться изъ - подъ облачныхъ высотъ на болота Ингерманландіи. Байкальская флора очень богата и составляетъ особенный отдѣлъ, подобно флорѣ Кавказской или Алтайской. Въ стремнинахъ по рѣчкамъ растутъ ог-

ромные тополи; ольха-же недостигаетъ и здѣсь обыкновенной своей величины.

Изъ дикихъ животныхъ водятся соболи, бѣлки, лисицы, кабарга (примѣчательная своямъ мускусомъ), олени, лоси, изюбри, козули и кабаны; изъ хищныхъ: волки, медвѣди, рыси, изрѣдка россомахи. Каждую осень Русскіе и Буряты отправляются въ Байкальскія горы и по рѣчкамъ промышляютъ соболей ловушками. Здѣшніе соболи хороши цвѣтомъ, но каждый «имѣеть свою воду», какъ говорятъ въ Сибири; это значитъ: каждая соболиная шкурка имѣеть свой особенный отливъ свѣта. Изъ множества здѣшнихъ соболей нельзя подобрать ни мѣха, ни воротника, и они уходятъ по болѣй-части за границу въ Китай.

По берегамъ Байкала находятся горячіе ключи. Изъ нихъ примѣчательны: Туркинскіе и Баргузинскіе. Первые бываютъ изъ земли въ 9 верстахъ отъ устья рѣки Турки, противъ острова Ольхона, изъ сѣрнокислаго грунта; сливаются въ одну рѣчку и впадаютъ въ Байкалъ уже холодными. Температура ихъ по Реомюру $+44^{\circ}$, а весною возвышается до $+46^{\circ}$. Надъ ними устроены ванны и домъ для посѣтителей. Баргузинскіе ключи текутъ близъ заштатнаго города Баргузина и столь горячи, что въ нихъ уваривается мясо. По отдаленности и неудобству сообщенія, они посѣщаются только мѣстными жителями. Кромѣ сказанныхъ, есть нѣсколько другихъ горячихъ источниковъ, но

они текутъ спокойно, въ ожиданіи посѣтителей
XX столѣтія.

Для дополненія мысли, что Байкальскія горы были нѣкогда огнедышущими и самъ Байкалъ есть провалъ, скажемъ, что озеро выкидываетъ на берега асфальтъ или жидовскую смолу. Простой народъ называетъ ее «морскимъ воскомъ» и употребляетъ какъ мазь отъ ревматизмовъ.

Вода въ Байкалѣ прѣсная, прозрачная и холодная, издали кажется густаго лазореваго цвѣта. На глубинѣ 6 или 7 сажень видны на днѣ камни. Температура воды, среди лѣта, на глубинѣ двухъ сажень равна $+4^{\circ}$, и теплѣе этого никогда не бываетъ; слѣдовательно вѣтеръ съ Байкала былъ-бы всегда холоденъ, если-бы не удерживался окружающими озеро горами; но и при всемъ томъ, хлѣбъ по берегамъ не рождается, и только на разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ озера начинаются уже пашни. Вода свойства преимущественно известковаго. Въ юлѣ мѣсяцѣ около береговъ показываются волокнистые слизистые растенія (*conferves*); тогда говорятъ: «море цвѣтетъ». Однакожъ вода при этомъ не портится и воздухъ не наполняется непріятнымъ запахомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые.

Прилива и отлива здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ; только подлѣ береговъ появляется иногда теченіе то въ ту, то въ другую сторону. Въ 1818 году замѣчено было особенное возвышеніе воды, болѣе-чѣмъ на сажень, безъ всякой

видимой причины. За пять верстъ отъ жерла рѣки Ангары начинается слабое теченіе, увеличивающееся по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ: народъ называетъ это теченіе «поносомъ». Истокъ Ангары изъ Байкала представляетъ картину, достойную кисти Гайвазовскаго: напоромъ воды вырвало слабое мѣсто изъ горы; открылся путь и все легкое увлечено стремленіемъ воды: остались только гранитные валуны, то выглядывающіе изъ рѣки, то покрытые легкимъ слоемъ текущей воды. Эта гряда лежитъ по перекъ Ангары съ одного берега на другой, и Байкалъ переливается черезъ нее, какъ черезъ край полной чаши. Почти на срединѣ рѣки грозно возвышается огромный камень: онъ называется «Шаманскимъ» — не потому чтобы Шаманы отправляли на немъ свое служеніе, а потому что въ Сибири все необыкновенное называется Шаманскимъ. Въ этомъ виноваты Буряты, здѣшніеaborигены; безъ того, чтобы не поклониться, не проѣдутъ они ни мимо огромной сосны, ни мимо кедра, или камня, отдельно стоящихъ.

Въ порогѣ, двое воротъ для прохода судовъ. Первый, въ шести саженяхъ отъ праваго берега Ангары, называется Береговымъ, и глубиною въ полтора аршина. Въ десяти саженяхъ далѣе — другой проходъ, называемый Ангарскимъ; тутъ глубина болѣе двухъ аршинъ.

Въ трехъ верстахъ ниже порога, рѣка образуетъ какъ-бы заливъ и тутъ Никольская-Пристань. Деревянная церковь и нѣсколько до-

мовъ составляютъ селеніе. Здѣсь разгружаютъ суда для провода сквозь пороги; тяжести везутъ до Лиственичной-Станціи, стоящей уже на берегу Байкала за порогами, и опять сносятъ на суда. Быстрота рѣки между порогомъ и Никольскою-Пристанью превышаетъ вѣроятіе; однакожъ суда тянутся вверхъ людями при помощи двухъ или трехъ лошадей; крутой берегъ весь изрѣзанъ бичевою: въ твердой глинистой почвѣ долго сохраняются эти разрѣзы и приводятъ въ недоумѣніе ученаго наблюдателя природы.

Берега Байкала пустынны и безжизненны: скучны для человѣка общежительного, но кладъ для живописца и мизантропа. Только въ юго-западномъ углу моря стоитъ порядочное селеніе Култукъ, оживляемое въ глубокую осень приходомъ обозовъ изъ Кяхты и обратно. Въ двухъ-стахъ верстахъ отъ него, близъ Прорвы, возвышается Посольскій - Монастырь, такъ - названный потому-что на этомъ мѣстѣ убитъ Бурятами посолъ нашъ Забороцкій. Подъ церкви небольшое селеніе. Далѣе весь берегъ кругомъ Байкала совершенно пустъ. Правда, на устьяхъ нѣкоторыхъ рѣчекъ стоять зимовья, или одинокіе дома, въ которыхъ лѣтомъ живутъ рыбаки; но зимою въ этѣхъ убѣжищахъ воетъ вѣтеръ. Сколько въ Сибири простору для помѣщенія излишковъ сгустившагося народа населенія Европы и Южной-Азіи!

МОРЕ ИЛИ ОЗЕРО БАЙКАЛЪ.

(Н. С. Щукинъ.)

Статья II и послѣдняя.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БАЙКАЛА; ГЛУБИНА ЕГО ВОДЪ; ГОС-
ПОДСТВУЮЩІЕ ВѢТРЫ; СОСТОЯНИЕ СУДОХОДСТВА;
ЗИМНЯЯ ДОРОГА ПО БАЙКАЛУ, И ЛѢТНЯЯ ОКОЛО НЕ-
ГО; ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА «БАЙКАЛЪ»; МНѢНІЯ О
ПРОИСХОЖДЕНИИ САМАГО ОЗЕРА.

Байкалъ можно назвать рыбнымъ магази-
номъ Южной-Сибири, источникомъ народнаго
продовольствія во время постовъ. Главнѣйшая
рыба въ немъ омуль; затѣмъ слѣдуютъ осетры,
таймени, харьюзы, сиги, окунь, ленки, налимы,
щуки, язи, сороги и наконецъ голомянка. Изъ
морскихъ животныхъ водятся только тюлени,
по-мѣстному нѣрпа.

Омуль (*Salmo migratorius*, *Omul*) принадлежитъ исключительно одному Байкалу; есть омуль и въ Ледовитомъ-Морѣ, но онъ вдвое больше Байкальского, а здѣшніе величиною меньше полу-аршина, вѣсомъ до трехъ фунтовъ. Въ концѣ августа мѣсяца омули идутъ изъ моря въ рѣки Селенгу, Баргузинъ и Верхнюю-Ангару, подобно сельдямъ, для метанія икры. Въ это время собираются промышленники въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья рѣки и ловятъ ихъ неводами. Случалось, что изъ одной тоннѣ вынимали до 150,000 штукъ. Пойманныхъ омулей кладутъ въ бочки по тысячѣ и по полуторѣ, и потомъ солятъ. Байкалъ доставляетъ въ хороший годъ до 14.000,000 штукъ омулей; они развозятся по всей губерніи, и поступаютъ отчасти и въ Енисейскую.

Харюзы ловятся везде по берегамъ Байкала и по рѣкамъ и рѣчкамъ въ него впадающимъ; они не годятся для соленія, и потребляются тотчасъ послѣ улова, или развозятся зимою мерзлые. Ежегодный промыселъ ихъ простирается до 100,000 штукъ.

Огромные осетры ловятся преимущественно около устьевъ рѣки Селенги и по всей этой рѣкѣ до Китайской границы. Въ Байкалѣ ловятъ ихъ неводами, а въ Селенгѣ сѣтями и огромными вершами. О вкусѣ этой рыбы могутъ имѣть понятіе только тѣ, которые употребляли ее на-мѣстѣ. Осетровъ добываютъ въ годъ до 25,000 пудовъ.

Ловъ сиговъ незначителенъ: въ продажу поступаетъ ихъ всего до 500 пудовъ.

Тайменей, налимовъ, щукъ, окуней и ленковъ, поступаетъ въ продажу до 2,500 пудовъ. Весь уловъ потребляется, по-большей-части, обывателями.

Байкалъ имѣтъ рыбку, исключительно ему принадлежащую: это «голомянка» (*Galionimus Baikaleensis*), уродливое созданіе, похожее на летучую рыбу. Длиною бываетъ она не много больше четверти аршина, и имѣтъ длинныя плавательныя перья. Живую ее никто не видалъ; но иногда лѣтомъ, послѣ продолжительныхъ бурь, выкидываетъ ее мертвую на берегъ въ ужасномъ множествѣ. Она состоитъ изъ головныхъ и становой кости, облитыхъ жиромъ.

Тюлени (нѣрпа) водятся по всему пространству моря. Цвѣтъ шерсти у нихъ черножелтый. Стрѣляютъ ихъ изъ ружей зимою, когда они выходятъ изъ щелей на ледъ подышать воздухомъ и соснуть. Впрочемъ промыселъ этотъ весьма не важенъ.

Въ Байкалѣ нѣтъ раковинъ, но есть животно-растеніе собственно ему принадлежащее: по камнямъ на днѣ озера растетъ особеннаго рода кораллъ, называемый здѣсь «морскою губкою» (*Spongia Baikaleensis*). Наружнымъ видомъ онъ совершенно походитъ на вѣтвистый кораллъ: цвѣтомъ сѣро-желтоватый, поздревать, въ водѣ мягокъ, на воздухѣ же высыхаетъ и становится жесткимъ. Иркутскіе серебряники

полируютъ имъ металлы; болѣе никакого употребленія изъ него не бываетъ.

Въ проливѣ между островомъ Ольхономъ и матерою землею плаваютъ моллюски. Это шарики величиною въ грецкій орѣхъ, зелено-грязнаго цвѣта, съ густою влагою внутри, въ которой помѣщается ядро.

Около устьевъ рѣки Селенги выкидываются на берегъ черный желѣзный песокъ, содержащій въ пудѣ до 30 фунтовъ желѣза. Тутъ же достаются красный песокъ, состоящій изъ весьма мелкихъ кристалловъ венисы, а можетъ быть и рубиновъ. Тотъ и другой употребляется для засыпанія чернилъ.

Глубина Байкала не измѣрена опредѣльно. Случайные опыты, произведенные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, показали, что съ противаго берега, отъ Посольскаго-Монастыря, озеро углубляется постепенно, а подъ здѣшнимъ берегомъ лежать неизмѣримыя бездны. На той сторонѣ останавливаются суда въ двухъ верстахъ отъ берега, выпуская 80 саженъ канату; въ пятнадцати верстахъ веревка во 100 саженъ недоставала уже до дна. На здѣшней же сторонѣ, въ пяти верстахъ отъ Кадильной-Станціи, опускали съ судна веревку съ десяти-пудовыми верпомъ на 1,000 саженъ, и веревка висѣла перпендикулярно подъ носомъ судна. Противъ станціи Голоустной, во ста саженяхъ отъ берега, провалился сквозь ледъ колоколъ; глубина моря оказалась во 100 саженъ. Противъ станціи Листвяничної глубина

увеличивается постепенно, и на девятой сажени отъ берега вдругъ открывается обрывъ въ 80 саженъ глубиною; изъ лодки видно какъ дно морское опускается утесомъ въ бездну.

Вотъ все, что намъ известно о глубинѣ Байкала. Измѣренія производились людьми, не знаяшими дѣла; имъ и въ голову не приходило, что веревка съ малою тяжестью идетъ въ воду перпендикулярно только на 70 саженъ, а потомъ будетъ стлаться зигзаками, поддерживая собою привязанную къ ней тяжесть. Измѣреніе Байкала можно-бы съ успѣхомъ произвестъ зимою, когда озеро покрыто льдомъ; но гдѣ тотъ любопытный, который-бы рѣшился жертвовать деньгами для удовлетворенія одного любопытства? Въ Сибири нѣтъ богатыхъ Англичанъ-чудаковъ, а Правительство не имѣетъ надобности знать, глубокъ-ли Байкалъ. Такимъ образомъ глубина озера остается недовѣданною; правда, на нѣкоторыхъ картахъ смѣло означено дно озера, но это не болѣе какъ удальство воображенія.

Нѣкоторые утверждаютъ, что противу рѣчекъ Голоустной и Половинной, на глубинѣ шести саженъ, видны на днѣ Байкала провалившіяся горы съ деревьями и кустарниками.

Вѣтры на Байкалѣ имѣютъ свои названія, которые доказываютъ, что первые мореплаватели были здѣсь Архангелогородцы. Сѣверный вѣтеръ называется «сиверъ», южный — «пруденикъ», западный — «култукъ», восточный — «востокъ», сѣверо-восточный — «баргузинъ»,

юго-восточный — «шалоникъ», юго-западный — «глубинкъ», съверо-западный — «гора». Попутный вѣтеръ называется «обѣтонъ». Култукъ, баргузинъ и гора, суть вѣтры господствующіе. Гора — вѣтеръ сильный, порывистый и опасный; онъ нерѣдко сопровождается громомъ, дождемъ и шквалами; рветъ паруса, опрокидываетъ суда, срываетъ ихъ съ якорей, заливаетъ лодки тяжело нагруженныя. Напротивъ того баргузинъ — вѣтеръ умѣренный, дуетъ всегда при ясной погодѣ. Но если нѣсколько дней сряду продолжается баргузинъ, то рѣдко дѣло обойдется безъ горы. Плавущіе отъ Посольского-Монастыря на здѣшнюю сторону, если увидятъ на горахъ облака, тотчасъ опускаютъ паруса и ждутъ противнаго вѣтра. Впереди море зачернѣтъ, настанетъ глубокая тишина, и вдругъ пахнѣтъ, какъ изъ погреба, холodomъ, и волны приблизятся высокими грядами. Тогда поворачиваются судно назадъ и качаются на якорѣ близъ берега, иногда сутки двое; бываетъ, что лодки и купеческія суда выкидываютъ на берегъ. Лавированія и дрейфованія здѣсь не знаютъ. Вообще рѣдко удается переплыть чрезъ Байкалъ благополучно: случается иногда раза три возвращаться къ берегу, отъ котораго поплыли.

Черезъ Байкалъ плаваютъ въ дощаникахъ или въ лодкахъ.

Дощаникъ есть плоскодонное судно съ палубою и одною мачтою съ огромнымъ парусомъ, поднимающее до 10,000 пудовъ: на

нихъ перевозятъ купеческіе товары и, случайно, пассажировъ.

Лодка имѣетъ конструкцію обыкновенной лодки, но борты возвышенные; при попутномъ вѣтрѣ идетъ она на парусѣ, а въ штиль на веслахъ. Въ лодкахъ плаваютъ въ какой-угодно вѣтеръ, лишь-бы онъ былъ попутный; не встрѣчалось примѣра, чтобы лодка утонула: вся бѣда что ее выброситъ на берегъ и все перемочить.

Прежде были здѣсь казенные транспорты; они перевозили обыкновенно путешественниковъ, ѣдущихъ по подорожнымъ, и преступниковъ, слѣдующихъ въ Нерчинскіе Горные Заводы и на поселеніе въ Забайкальскій-Край: теперь они уничтожены, по оказавшейся не-надобности. Правильная постройка и вооруженіе этѣхъ судовъ научили здѣшнихъ природныхъ мореходовъ многому.

Чрезъ Байкалъ плаваютъ все лѣто до глубокой осени, когда носящіеся льды сдѣлаютъ перебѣздъ вовсе невозможнымъ. Въ прежнія времена удачная переправа чрезъ Байкалъ считалась благополучіемъ. На путешественника налагались нѣкоторыя условія; напримѣръ: не называть Байкала озеромъ, не отзываться о немъ презрительно, не произносить бранныхъ словъ, и тому подобное. И въ-самомъ-дѣлѣ, безъ явнаго содѣйствія Провидѣнія, переправа не могла быть удачною. Дощаники строились мужиками, не имѣвшими никакого понятія о корабельной архитектурѣ; всѣ гвозди

ди и укрепленія были деревянные ; огромный парусъ при подъемѣ и спускѣ требовалъ большихъ силъ ; матросы были люди трусливые и суевѣрные, непривыкшіе къ дѣлу ; хозяинъ заботился только о своихъ выгодахъ, а въ остальномъ полагался на милость Божію. При умѣренномъ вѣтрѣ судно входило или въ Прорву, или въ устье Селенги ; но въ бурю не смѣло пускаться въ гавань : извилистый входъ угрожалъ судну, управляемому тяжелымъ рулемъ, неизбѣжною опасностію сѣть на мель. Судно кидало якорь верстахъ въ двухъ отъ берега. Хорошо, если качка была умѣренная ; при сильномъ-же вѣтрѣ судно растягивало, открывались пазы, и вода лилась въ дощавикъ со всѣхъ сторонъ : тогда отрубали якорь, поднимали парусъ и пускались прямо на берегъ, къ-частію песчаный. Осенью бѣдствіе было еще ужаснѣе : вода, заплескиваясь на судно, замерзала и увеличивала грузъ. Тогда пускались въ «мятикъ», то-есть въ ледъ переломанный волнами и прибитый къ берегу. Судно погружалось въ эту кашу, и, съ наступленіемъ тишины, замерзало въ ней. Каждую осень при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ гибли суда преимущественно на той сторонѣ озера. Кресты, водруженные во многихъ мѣстахъ по берегу, обличаютъ претерпѣнныя здѣсь бѣдствія. Больше всего страдали суда, такъ-называемыя «свинцовые», то есть тѣ, на которыхъ перевозили свинецъ, идущій изъ Нерчинскихъ заводовъ въ Колыван-

скіе. Ихъ строили на живую нитку, собственно для одного рейса внизъ по Ангарѣ и Енисею. Хорошо, если на Байкалъ не встрѣчалъ ихъ противный вѣтеръ.

Еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія стали заботиться объ усовершеннствованіи судоходства на Байкалѣ. Въ 1754 году учреждена была въ Иркутскѣ Навигацкая Школа для образованія штурмановъ; потомъ основано было Адмиральтейство съ Верфью. Но то и другое уничтожены въ-послѣдствіи.

Перевозъ товаровъ находился въ рукахъ двухъ или трехъ купеческихъ домовъ Иркутскихъ, и приносилъ имъ важныя выгоды. Въ-теченіе навигаціи дѣлали до десяти рейсовъ: на одномъ суднѣ перевозили до 10,000 пудовъ, получая за пудъ лѣтомъ — по 25, осенью — по 65 коп.; такимъ-образомъ хозяинъ судна приобрѣталъ выгоды отъ 25 до 30,000 рублей асс. Въ Иркутскѣ возникло нѣсколько купеческихъ домовъ единственно на-счетъ Байкальского судоходства, и теперь эта отрасль промышленности находится въ хорошемъ состояніи; но въ глубокую осень товары идутъ сухимъ путемъ, кругомъ Байкала, по горной дорогѣ.

Въ 1818 году подана была первая мысль учредить на Байкалѣ пароходы; но она осталась неисполненою, по недостатку средствъ и новости дѣла въ Россіи. Въ 1824 году мысль о пароходствѣ предложена была снова, и встрѣтила опять сильное сопротивленіе: судовщики

доказывали, что при непостоянствѣ вѣтровъ пароходы не будутъ полезны; что волны Байкала имѣютъ особенное свойство опрокидывать суда безпарусныя, и т. п. Само-собою видно, почему судовщики возстали противу пароходства.

Наконецъ, въ 1843 году, мысль учредить на Байкалѣ пароходство нашла исполнителя. Почетный Гражданинъ Мясниковъ, первый золотопромышленникъ Восточной-Сибири, рѣшился устроить здѣсь пароходъ; и 15 сентября 1843 года спущенъ былъ на воду ботъ, а на слѣдующее лѣто и второй. Всѣ были увѣрены, что чрезъ это устроятся весьма важныя неудобства: судоходство будетъ продолжаться безпрерывно цѣлое лѣто, несмотря на противные вѣтры; горная дорога вокругъ Байкала нужна будетъ только для двухъ зимнихъ мѣсяцевъ; почта изъ Иркутска въ Кяхту будетъ поспѣвать въ двое сутки и скорѣе; путешественники не будутъ жить по недѣлѣ на берегу Байкала въ ожиданіи попутнаго вѣтра, или носиться по озеру взадъ-и-впередъ по нѣскольку дней, не будутъ переносить мучительной качки, стоя на якорѣ; рыбаки будутъ доставлять въ Иркутскъ свѣжую рыбу, тотъ-часть пойманную, или живую; сообщенія между здѣшнимъ берегомъ и устьями рѣки Селенги, Баргузина и Верхней-Ангары, гдѣ производятся важные рыбные промыслы въ августѣмѣсяцѣ, будутъ производиться когда угодно. Къ-сожалѣнію, послѣдствія не оправдали этѣхъ

ожиданій. Предприниматель худо расчислилъ подробности Байкальского мореплаванія: первый пароходъ его, въ 30 силь, шелъ скоро только при попутномъ вѣтрѣ; въ штиль едва тащилъ онъ свой буксиръ, а при вѣтрѣ противномъ не двигался съ мѣста; второй, въ 50 силь, дѣйствовалъ успѣшище, но все-таки неудовлетворительно. Мясниковъ не пожалѣлъ-бы сдѣлать пароходъ и во 100 силь; но смерть этого гражданина положила конецъ Байкальскому пароходству. Желательно, чтобы примѣръ его подѣйствовалъ на прочихъ золотопромышленниковъ: выгоды отъ пароходства столь очевидны, что не требуютъ доказательствъ; а золотопромышленникамъ не мѣшало - бы по-заботиться о пользѣ общей, въ уплату за дороговизну съѣстныхъ припасовъ въ Сибири, происходящую отъ причинъ, имъ весьма извѣстныхъ.

Байкалъ замерзаетъ въ декабрѣ и январѣ, а растаиваетъ въ маѣ. Здѣсь говорятъ, что море стоитъ подо льдомъ «отъ Николы до Николы», то-есть отъ 6 декабря до 9 мая. Кто не согласится, что столь огромная площадь льда должна сильно охлаждать воздухъ весною?

Съ половины октября намерзаютъ подъ береговъ закраины (зѣбереги). Въ ноябрѣ, при тихой погодѣ, онѣ распространяются въ море верстъ на десять, такъ-что неопытному покажется, будто море замерзло; но густой туманъ надъ открытымъ пространствомъ обнаруживаетъ противное. Сильнымъ вѣтромъ и волна-

ми разрушаются этъ закраины и прибиваются къ которому-нибудь берегу; между тѣмъ туманъ постоянно тяготѣтъ надъ озеромъ: это время называется здѣсь «мореставомъ». Чѣмъ Байкалъ совершенно покрылся льдомъ, нужны нѣкоторыя условія: во-первыхъ, морозъ не менѣе 25° ; во-вторыхъ, сильный вѣтеръ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, которымъ-бы воду перемѣшало и сильно охолодило; въ-заключеніе, необходима тишина, при 30° морозу. Тогда Байкалъ въ одну ночь покроется тонкимъ льдомъ, атмосфера прояснится, и даже въ Иркутскѣ, за 60 верстъ, узнаютъ, что море стало. Тишина продолжается, ледъ крѣпчаетъ, и на трети сутки какой-нибудь смѣлый крестьянинъ изъ Посольскаго-Монастыря отправляется на тройкѣ въ море и прокладываетъ дорогу. Немедленно даютъ знать о томъ Иркутскому Губернатору и уѣзднаго города Верхнеудинска Исправнику. Крестьяне изъ ближайшихъ селеній ѿдуть на Байкалъ съ возами со сенемъ, втыкаютъ ихъ въ ледъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, и зимняя дорога устанавливается. Вѣсть о замерзнувшемъ Байкалѣ распространяется отъ Иркутска до Кяхты, всѣ говорятъ другъ-другу: море стало! Въ-самомъ-дѣлѣ эта новость приносить много пользы. Остановившееся на нѣсколько мѣсяцевъ сообщеніе возобновляется дѣятельно; купеческие караваны изъ Кяхты и туда потянутся длинными вереницами; изъ-за Байкала повезутъ въ Иркутскъ множество битаго скота; мѣна

произведеніями оживить мелочную торговлю, и деньги быстро станутъ переходить изъ рукъ въ руки.

Бываетъ, что Байкалъ, покрывшійся тонкимъ льдомъ, опять дѣлается непроходимымъ: сильнымъ вѣтромъ раскачетъ воду въ какой-нибудь полынѣ, волны начнутъ ломать тонкій ледъ, и море вскроется. Случается, что караваны съ товарами идутъ по льду столь тонкому, что онъ гнется подъ возомъ; говорятъ, что иногда по первому пути лошадь пробиваетъ ледъ подковами; однажды все кончается благополучно. Иногда по срединѣ моря бываютъ полыни, но ихъ скоро затягиваетъ.

Когда ледъ окрѣпнетъ, то близъ обоихъ береговъ, вдоль всего моря, дѣлаются двѣ трещины: ихъ называютъ «становыми щелями». Эты щели происходятъ отъ осѣвшаго на всей площади моря льда: вода въ-течение зимы, отъ малаго дополненія притоками, уменьшится, и горизонтъ ея понизится. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ дорога, трещину наполняютъ льдомъ, по которому перѣезжаютъ на другую сторону. Трещины бываютъ и далеко отъ береговъ; если онѣ узки, то лошадь съ разбѣгу перескакиваетъ черезъ нихъ; но если очень широки, ищутъ узкаго мѣста, или колютъ ледъ и набиваютъ имъ трещину сколь возможно гуще. Иногда ледъ вдругъ лопнетъ передъ бѣгущими лошадями, разойдется на нѣсколько сажень и въ тоже время опять сойдется. Иногда трещина остается въ одномъ положеніи сутки двое,

покроется тонкимъ льдомъ и вдругъ сожмется; тогда ледъ на ней ломается, становится ребромъ и означаетъ все пространство трещины.

Байкалъ замерзаетъ по - большей - части гладко; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледъ, оторванный отъ закраинъ и замерзнувшій въ тихой водѣ, образуетъ мѣстами кочки (тѣросы). Въ ясный день этѣ льдины удивительно отражаютъ лучи солнца и горятъ какъ изумруды и брилліянты. Упавшій снѣгъ всегда сметается вѣтрами, и ледъ на Байкалѣ чистъ какъ стекло: это вредитъ слабому зрѣнію при сильномъ отраженіи солнца. Зимою здѣсь бываютъ столь сильные вѣтры, что сбиваются лошадей съ повозкою, а пѣший человѣкъ на гладкомъ льду падаетъ и катится по направленію вѣтра. Чтобы удержаться на одномъ мѣстѣ, вынимаютъ изъ ноженъ ножикъ, и вонзивъ его сильно въ ледъ, держатся за черень обѣими руками. Каждый Сибирскій крестьянинъ и инородецъ непремѣнно носитъ на поясѣ ножъ въ ножнахъ по одну сторону, а по другую огниво.

Въ апрѣлѣ, море подлѣ береговъ растаиваетъ на значительное пространство, тогда-какъ по срединѣ стоитъ еще крѣпкій ледъ. Это состояніе Байкала называется «голомедъ». Тогда спускаются на море у Листвяничной-Станціи, и 105 верстъ ѿдутъ по льду до другаго берега, запасшись кормомъ для лошадей и досками для настилки черезъ трещину. На срединѣ пути останавливаются, втыкаютъ въ ледъ нѣшню и къ ней привязываютъ лошадей от-

дохнуть и поѣсть. Часа черезъ два опять пускаются въ путь.

Зимою дорога идетъ подлѣ здѣшняго берега отъ Листвяничной станціи до Кадильной, потомъ до Голоустной; отсюда уже пускаются черезъ Байкалъ и перебѣгаютъ въ три или четыре часа 55 верстъ на однѣхъ лошадахъ.

Передъ воздушными перемѣнами, къ бурѣ или снѣгу, происходятъ подо дномъ, въ безднѣ морской, чудеса: тамъ раздается звонъ колоколовъ, пушечные выстрѣлы, громы, стоны, плесканіе волнъ. Этѣ явленія бываютъ разительны среди моря. Если вы остановитесь, выйдете изъ повозки и ляжете на ледъ чистый и прозрачный, то увидите, что онъ весь въ трещинахъ, какъ печной изразецъ. Въ глубинѣ чернѣеть подъ вами бездна. Вдругъ ледъ затрещаъ ужасно, какъ будто все проваливается куда-то. Шумъ пробѣжалъ мимо васъ, и слышится уже въ отдаленіи. Все утихло. Вдругъ вы услышите вдали какіе-то визги и стоны, слышите какъ воздухъ пробивается пузырями сквозь скромную толщу водъ, и булькаетъ какъ газъ въ ретортѣ. Тогда ямщикъ убѣдительно будетъ просить васъ сѣсть въ повозку и продолжать путь. «Не сердите, сударь, море: оно не любитъ кто глазѣетъ на него и любопытничаетъ. Посмотрите какъ заоретъ!» Народъ почитаетъ Байкалъ существомъ живымъ, одушевленнымъ, съ характеромъ честолюбивымъ, своенравнымъ и мстительнымъ, и если не считаетъ его бо-

жествомъ, то уже непремѣнно духомъ, если не поклоняется ему, то боится и уважаетъ. Есть мужички, которые хвалятся дружбою съ Байкаломъ и ни во что ставятъ его капризы; чрезъ это слывутъ они во мнѣніи робкихъ знахарями. Не нужно объяснять, что смѣлость и ловкость спасали ихъ отъ бѣствій неизбѣжныхъ для многихъ, и тѣмъ доставили почетъ и удивленіе.

Причину подледнаго шума въ Байкалѣ объяснить нетрудно. Огромная масса льда не можетъ лежать ровно: въ одномъ мѣстѣ — отъ упавшей воды — она опускается, въ другомъ — поднимается. Даже отъ суточнаго движенія земли вода должна измѣнить свою поверхность, ледъ лопается и производитъ трескъ. Кромѣ того, воздухъ и гасы, вырывающіеся изъ бездны, пучатъ и разрываютъ ледъ. Но отчего же подледной шумъ бываетъ слышенъ преимущественно передъ перемѣнной погоды? Можетъ-быть измѣненія атмосферы имѣютъ влияніе на подземную лабораторію, усиливаютъ или ослабляютъ ея дѣйствіе

Чрезъ Байкалъ плаваютъ путешественники и купцы съ товарами все лѣто до глубокой осени; въ ноябрѣ єдутъ ужъ саннымъ путемъ, по дорогѣ проложенной кругомъ озера. Кяхтинская торговля открывается обыкновенно въ январѣ и февралѣ, и къ этому времени купцы должны поспѣсть съ товарами своими во чѣ-бы ни стало. Много есть путей вокругъ Байкала; но до настоящаго столѣтія

это были тропинки для верховыхъ лошадей. Купечество жаловалось на трудность сообщеній, а почта замедлялась на пути разлитіемъ наледей по рѣчкамъ и глубокими снѣгами. Думали, гдѣ-бы устроить лучше и удобнѣе дорогу: Тунгусы указали тропинку чрезъ гору Хамаръ-Дабанъ, и Правительство приступило къ разработкамъ. Въ тоже время указана была другая дорога: по берегу Байкала до рѣчки Выдрянки, потомъ вверхъ по этой рѣчкѣ до невысокаго хребта, перевалившись черезъ который, выѣзжали на Баргойскую-Долину, а по ней ѿхали почти до самой Кяхты. Эта дорога самая удобная, и не требовавшая большихъ издержекъ; но Хамаръ-Дабанская была уже начата; оставить ее и войти съ представлениемъ о новой, было неудобно.

Теперь кругоморская дорога идетъ отъ Иркутска чрезъ рѣку Ангару на западъ, по горамъ, до юго-западнаго окончанія Байкала, гдѣ стоитъ деревня Култукъ. Послѣдній спускъ къ этой деревнѣ простирается на 7 верстъ, однакожъ дорога телѣжная. Въ Култукѣ берутъ верховыхъ лошадей и ѿдуть восемь станций по высочайшимъ горамъ, имѣющимъ до 1,000 сажень отъ поверхности морской: тутъ нерѣдко встрѣчаются подъемы и спуски подъ угломъ 45°. Первый подъемъ—верстахъ въ 10 отъ Култука на гору Култушную, съ которой открывается безподобный видъ на Байкалъ. Дорога виляетъ направо и налево до вершины горы; потомъ идетъ по гривамъ

горъ, все выше-и-выше, до станціи Слюдянской, на разстояніи 50 верстъ. Здѣсь перемѣняютъ лошадей и перевалившись чрезъ гору подъ Хамаръ-Дабанъ, подъѣзжаютъ къ самому грозному исполину. Гора эта стоитъ предъ путешественникомъ какъ стѣна; но искусство и смѣлость преодолѣли природу, и человѣкъ лезетъ на вершину ея по гладкому шоссе, обнесенному со стороны пропасти высокими перилами. Надобно сдѣлать двадцать-пять поворотовъ направо и налѣво, чтобы достигнуть вершины высунувшагося склона, чрезъ который перегибается дорога; настоящая вершина горы остается въ-сторонѣ, однакожъ любопытный можетъ подняться на нее до извѣстной высоты, не слѣзая съ лошади, а по томъ ужъ надобно пробираться по гривкамъ, соединяющимъ три вершины Хамаръ-Дабана. Куда ни обратите взоръ, повсюду встрѣчаете ключи, падающіе съ камня на камень въ бездну; шумъ отъ нихъ такъ силенъ, что съ трудомъ слышенъ голосъ говорящаго человѣка. Здѣсь вполнѣ выражается Сибирская природа, и кто не бывалъ на Хамаръ-Дабанѣ, тотъ не видалъ Сибири.

Купеческіе караваны идутъ по этой доро-гѣ въ ноябрѣ и декабрѣ, пока не замерзнетъ море. Глубокій снѣгъ иногда до такой степени покрываетъ Хамаръ-Дабанскую дорогу, что закрываетъ даже перила; тогда съ величайшою осторожностію надобно спускать возы по крутизnamъ: при малѣйшей оплошности возъ рас-

катится и увлечетъ лошадь въ бездину. Ямщики спускаются въ стремину на веревкахъ, и вытаскиваютъ оттуда ужъ не лошадей, а только тюки съ товарами.

Снѣгѣ здѣсь такъ часты и такъ обильны, что послѣ каждого проѣзда каравановъ дорогу заносить новыми сугробами. Тогда надобно расчищать ее особымъ способомъ. Обыкновенно два или три ямщика садятся на коней, и гонятъ передъ собою нѣсколько порожнихъ лошадей: онъ протаптываютъ первую дорогу. Потомъ запрягаютъ нѣсколько лошадей въ сани, а къ нимъ привязываютъ срубленную сосну или кедръ съ вѣтвями: кедръ, тащась по снѣгу, разбиваетъ куски и приглашиваетъ ихъ, а сани и лошади дополняютъ работу. Устроивъ такимъ образомъ путь, караванъ пускается впередъ. Иногда путь только-что проложенный и устроенный, вновь засыпаетъ снѣгомъ; тогда принимаются опять за прежнюю работу.

За Хамаръ-Дабаномъ возвышается голецъ Шибеть; подъемъ на него не труденъ, но голецъ этотъ верстъ на 15 не имѣетъ ни одного кустика. Эта поднебесная степь открыта со всѣхъ сторонъ, и весьма опасна во время бурь и мятелей, за которыми здѣсь дѣло не стоитъ. Горе путешественнику, захваченному «пургою» (какъ называютъ здѣсь мятель): ночью онъ собьется съ дороги, погрязнетъ въ снѣгу, и гибель его неизбѣжна. Если погода хотя чуть сомнительна, особенно къ ночи, то ожидаютъ

на станціи утра, и тогда уже пускаются въ путь. Иногда мятель настаетъ вдругъ, неожиданно, безъ предварительныхъ признаковъ, которые ямщики хорошо знаютъ. Небо сольется съ землею снѣговымъ облакомъ, настанетъ темнота, и вы должны предаться на волю лошади, которая знаетъ куда итти; но часто неопытный, самонадѣянный путешественникъ сбиваетъ съ толка лошадь и ямщика; тогда одно чудо только можетъ избавить ихъ отъ гибели. Обыкновенно спѣшать проѣхать эту каменную степь какъ-можно поскорѣе; ямщикъ, при малѣйшихъ признакахъ бури, станетъ торопить вაсь, и не позволитъ заняться ни минералогіею, ни ботаникою, даже лѣтомъ. Во всѣхъ здѣшнихъ горахъ преобладаетъ гранитъ; а известно, что минералъ этотъ притягиваетъ влажность изъ воздуха и, при малѣйшемъ охлажденіи атмосферы, производить облака, дождь, или снѣгъ.

Сколько несносна и опасна эта дорога зимою, столько занимательна она лѣтомъ. Разнообразіе горной природы неистощимо, поэзія на каждомъ шагу. Еще повторяю: кто не видалъ около - Байкальской дороги, тотъ не знаетъ Сибирской природы.

Проѣхавъ восемь горныхъ станцій, выѣзжаютъ на долину, гдѣ кочуютъ Буряты, съ огромными стадами лошадей, коровъ и овецъ. Отсюда до Кяхты ѿдутъ уже на колесахъ. Впрочемъ, едва-ли не возможно ѿхать въ экипажѣ и черезъ горы; крутые подъемы по-

требуютъ только лошадей болѣе обыкновен-
наго.

Въ послѣднее время дорога по берегу Бай-
кала и рѣчкѣ Выдрянкѣ устроена на свой
счетъ Кяхтинскимъ купцомъ Игумновымъ, и
вѣроятно останется навсегда главною и поч-
товою.

Чтѣ́тъ значитъ слово «Байкаль», до сихъ
поръ не решено, хотя въ розысканіяхъ и догад-
кахъ недостатка не было. Одни производили
его отъ Китайскихъ словъ *Бей-Хай*, что значитъ
«сѣверное море»; другіе — отъ Турского *Бай-*
Кулъ — «богатое озеро». Нѣкоторые составля-
ютъ «Байкаль» изъ двухъ Монгольскихъ словъ:
Байнъ-Галъ, что можно перевести и — «богатый
огонь», и — «былъ огонь». Всѣ эти выводы по-
хожи на правду: Китайцы имѣли право на-
звать Байкалъ «сѣвернымъ моремъ»; народы
Турского племени могли почитать его «бога-
тымъ озеромъ» по изобилію рыбы; а Монголы,
давнишніе здѣшніе обитатели, могли, пожалуй,
быть свидѣтелями какъ проваливалась здѣсь
«земля», выступилъ потомъ «огонь», и нако-
нецъ явились — вода...

Китайцамъ извѣстенъ былъ Байкалъ до
Р. Х. Въ 1119 году Китайскій Дворъ отправилъ
противу Хунновъ, теперешнихъ Монголовъ,
двѣ арміи: одну подъ предводительствомъ Вей-
Цина, другую подъ начальствомъ Хоцюй-Бина.
Послѣдній разбилъ Хунновъ гдѣ-то близъ Бай-
кала: поднявшись на какую-то гору, онъ ви-
дѣлъ съ нее *Ханъ-Хай* (то-есть «море Хай»),

что, также какъ и Бей-Хай, означаетъ въ Китайскихъ исторіяхъ Байкалъ.

Монгольскій историкъ XVII столѣтія Санань-Сетсень называетъ Байкалъ — *Байгалъ-Муренъ*, что значитъ «большая рѣка Байгалъ». Отсюда видно, что еще до прибытія Русскихъ онъ назывался у кочевавшихъ при немъ народовъ теперешнимъ же именемъ.

Обратимся къ первобытнымъ народамъ, обитающимъ нынѣ около Байкала: это Буряты и Туигусы. Первые называютъ его *Далай*, вторые *Ламъ*; то и другое значитъ «море».

Русскіе вышли на озеро Байкалъ въ половинѣ XVII столѣтія, и въ донесеніяхъ своихъ называютъ его *Байкало-Озеро*. Выходитъ, что они это слово услышали въ первый разъ отъ Бурятъ, обитающихъ за Байкаломъ: тамъ слово *Байгалъ* употребительно; но кочующіе на здѣшней сторонѣ и теперь называютъ его *Далай*.

Слово *Байкалъ* встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Сибири, гдѣ искони обитали племена Турскія. Въ Тобольской губерніи, по дорогѣ къ городу Тюменю, есть деревня *Байкаловскія-Юрты*. Въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губерніи, есть селеніе *Байкалово*. Фамилія *Байкаловыхъ* повторяется между крестьянами и казаками Енисейской губерніи. На вопросъ: откуда они происходятъ? отвѣчаютъ: «отъ моря Байкала». Отвѣтъ и мысль совершенно ошибочные: «отъ моря Байкала» некому было переселиться на рѣку Енисей; и теперь

берега озера пусты, а жители Минусинского округа пришли сюда изъ окрестностей города Енисейска. Сходство слова и удобность разрешить вопросъ причиною отвѣта.

Къ юго-западу отъ Байкала лежитъ большое озеро, которое носитъ у Русскихъ название *Косоголъ*, а окрестные жители называютъ его *Кусагулъ*, правильнѣе вѣроятно — *Кусъ-Кулъ*. Слово это чисто Турское, и значить «глазъ-озеро»: весьма живописное название для озера, которое совершенно кругло и имѣть посрединѣ островъ. Между-тѣмъ, оно служить вмѣстѣ доказательствомъ, что когда-то въ окрестностяхъ Байкала живали народы Турского племени. Слѣды ихъ пребыванія замѣтны, впрочемъ и изъ другихъ признаковъ: во-первыхъ, изъ названий нѣкоторыхъ рѣчекъ и урочищъ; во-вторыхъ, изъ кургановъ или древнихъ могилъ, разсѣянныхъ по степямъ Аргунскимъ. Теперь кочуютъ тамъ племена Монгольскія; но известно, что Монголы никогда не дѣлали насыпей или кургановъ надъ могилами умершихъ: во всей Монголіи нѣтъ ихъ; напротивъ-того, по долинамъ Енисея и Абакана везде курганы, а страны эти искони были жилищемъ Киргизовъ, Уйголовъ и другихъ Турскихъ народовъ. Около озера Косогола и теперь кочуетъ народъ Урянхай, говорящій нарѣчиемъ Турского языка, хотя и сильно испорченнымъ вліяніемъ Монголизма. Персидскій историкъ Рашидъ-эд-Динъ говоритъ, что Киргизы обитали между Селенгою и Енисеемъ;

следовательно владѣнія ихъ къ сѣверу могли простираяться до Байкала. А что поколѣнія Турскія обитали между сѣверными Монголами до временъ Чингисъ-Хана, о томъ говорятъ всѣ Мусульманскіе историки, писавшіе о Монголахъ.

Послѣ этого, едва-ли нѣтъ основаній заключить, что *Байкалъ* есть первоначально Турское *Бай-Кулъ*, означающее «богатое озеро». Китайцы свой *Ханъ-Хай* и *Бей-Хай*, а Монголы *Байкалъ* заимствовали у поколѣній Турскихъ, первобытныхъ обитателей окрестностей Байкала, жившихъ тутъ еще до Р. Х. Такъ дошло оно до нась Русскихъ, передѣланное въ *Байкалъ*, нынѣ освященное всемирнымъ употребленіемъ.

Вотъ наши выводы о происхожденіи имени Байкала; если они неосновательны и ложны, то по-крайней-мѣрѣ новы. Мы готовы съ удовольствіемъ выслушать всякое дѣльное опроверженіе, и вызываемъ на бой нашихъ ориенталистовъ. Можетъ-быть имъ известны такие источники, о которыхъ мы и не слыхали; тогда мы признаемъ себя побѣжденными, зато наука выиграетъ.

Въ-заключеніе помечтаемъ о происхожденіи самого озера. Одни утверждаютъ, что Байкалъ есть провалъ рѣки Ангары, произшедшій отъ сильного землетрясенія, когда-то въ глубокой древности. Минѣніе это основаніемъ имѣть двѣ рѣки Ангары: одна изъ нихъ впадаетъ въ Байкалъ, а другая вытекаетъ изъ него. Невозможно, говорятъ, чтобы двѣ рѣки, столь от-

даленныя одна-отъ-другой, могли получить одно имя: тутъ протекала когда-нибудь одна рѣка, подъ русломъ которой сдѣлался провалъ; рѣки наполнили его, явился Байкалъ, и потекъ прежній путемъ въ рѣку Енисей. Кромѣ-того вездѣ видны и понынѣ слѣды волкановъ и страшнаго переворота: горы, стоящи по берегамъ озера, во многихъ мѣстахъ спускаются въ него утесами, и подобные утесы видны въ самомъ озерѣ; по берегамъ есть горячіе ключи; изъ озера выкидываетъ асфальтъ и другіе горючіе минераллы. Другіе, напротивъ того, доказываютъ, что Байкалъ произошелъ въ одно время съ образованіемъ всѣхъ водъ, когда всемогущее Слово отдалило воду отъ суши и природа начала дѣйствовать силами, единожды съ соображеніями. Минѣніе это опирается на слѣдующія основанія: во-первыхъ, юго-восточный берегъ ровень и отмѣль, чтѣ противорѣчитъ уже мнѣнію о провалѣ; во-вторыхъ, куда-жъ стекали прежде рѣки Селенга, Баргузинъ, Ангара и сотни рѣчекъ? Впрочемъ, на то и другое отвѣтить нетрудно. Отмѣльный берегъ Байкала произведенъ наносами рѣки Селенги, которая, въ течение тысячелѣтія, могла перемѣнить свое теченіе нѣсколько разъ, подмывать слабыя горы и уносить обрушающіяся массы въ Байкалъ; подобное явленіе мы видимъ и теперь въ устьяхъ этой огромной и многоводной рѣки. Прочія рѣки и рѣчки могли впадать въ Ангару; могли даже образоваться во время сильнаго переворота земли, въ одно время съ Байкаломъ.

Ключи и теперь являются на поверхности земли, а другіе исчезаютъ вдругъ или исподоволь; появляются даже новыя озера. За Байкаломъ, лѣтъ 70 или 80 назадъ, вдругъ образовалось Гусиное-Озеро, и заняло площадь верстъ на 15 длиною: дѣло все состояло въ томъ, что одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Селенгу, перемѣнила свое теченіе при сильномъ разливѣ, нашла котловину и наполнила ее собою.

Надобно однаждѣ признаться, что мнѣніе о происхожденіи Байкала отъ подземнаго огня, увлекательнѣе: ему поддаются многіе при первомъ взглядѣ на Байкальскую природу. Землетрясенія здѣсь бываютъ почти каждый годъ. Высокая гора Хамаръ-Дабанъ есть погаснувшій кратеръ. Подобные волканы встречаются и въ другихъ мѣстахъ; есть даже курящіяся горы: къ ненастѣю идетъ изъ нихъ дымъ, видимый только издали, а если подниметесь на вершину горы, не увидите ни малѣйшаго признака дыма; такъ онъ тонокъ и рѣдокъ, что видѣнъ только издали, въ большой массѣ. Во многихъ мѣстахъ попадаются огромныя глыбы лавы; естественно, что они вытекли изъ жерла огнедышущей горы. Кто знаетъ? Можетъ-быть, когда истощенная лабораторія природы въ Байкальскихъ горахъ скопитъ материалы, огонь брызнетъ тамъ, гдѣ его не ожидали; тогда опять измѣнится поверхность земли, и воды получатъ другое направленіе.

Но есть основаніе думать, что кратеры Байкальскіе исполнили свое назначеніе, и по-

гасли навѣки. Въ Иркутскихъ лѣтописяхъ мы находимъ, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ были тамъ еще частыя и сильныя землетрясения. Теперь онѣ слабы и рѣдки; иногда не бываетъ ихъ года по два. Послѣднее значительное землетрясеніе было въ 1805 году, когда въ Иркутскѣ съ собора сорвало крестъ съ яблонемъ и отбросило сажень на 50 отъ колокольни къ югу: каковъ-же былъ размахъ самой колокольни? Съ тѣхъ поръ не происходило сильныхъ ударовъ, и жители Иркутска имѣютъ полное право перестать бояться, что они или потомки ихъ погибнутъ подъ развалинами домовъ своихъ, провалятся сквозь землю, или

попонутъ въ разгившейся Ангарѣ.